

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Ж. ДЕРРИДА

Обозначена проблема периодизации философско-литературного наследия французского философа-семиотика Ж. Деррида. Приведена краткая характеристика трех периодов творчества автора. Представлен историографический обзор как известных классических работ Деррида “О грамματοлогии”, “Письмо и различие”, так и менее известных, как, например, “Призраки Маркса”. Содержание текстов Деррида рассмотрено в соответствии с периодизацией его творчества. Рассмотрена специфика и смысловое содержание “поэтического мышления” автора, а также эволюция общественно-политических взглядов в переломных произведениях философа.

Введение

Жак Деррида считается одним из интеллектуальных лидеров 80 – 90-х гг., идеи которого стали основой концептуальных источников постмодернистской эстетики. Как представитель постструктуралистского варианта постмодернизма, Деррида подверг критике метафизический способ мышления и предпринял попытку преодоления метафизики, с которой отождествлял всю европейскую религиозно-философскую традицию.

Метафизическая традиция критикуется французским философом за понимание “бытия как присутствия”, предполагающее наличие основы, начала, центра; за репрессивный тип мышления в бинарных оппозициях, где один из терминов занимает привилегированную позицию; за вульгаризацию в осмыслении таких понятий, как “история”, “время” и многое другое.

Для преодоления метафизической традиции предлагается иное, “языковое”, прочтение философских проблем, основанное на возможности бесконечного расшатывания, прежде всего, устоявшихся языковых стереотипов, поиска новых смыслов и значений, которые могут содержаться не только во всей системе текста как некоторой смысловой целостности, но и в отдельных словах и выражениях.

Очень трудно говорить о периодизации творчества Деррида. В его первой получившей широкую известность статье 1966 г. “Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук” содержались в краткой форме практически все те темы, которые он разрабатывал всю свою дальнейшую жизнь [1]. Впрочем, с большей или меньшей степенью определенности можно выделить три периода в творчестве французского философа-лингвиста:

- 1) первая половина 1960-х – начало 1970-х гг.;
- 2) 1974 – начало 1980-х гг.;
- 3) 1980-е – начало 2000-х гг.

Основная часть

В период с начала 60-х вплоть до начала 70-х гг. вышли первые шесть книг Деррида, в которых была сформулирована доктрина зрелого постструктурализма (“О грамматиологии” (1967); “Голос и феномен” (1967); “Письмо и различие” (1967); “Поля философии” (1972); “Рассеивание” (1972); “Позиции” (1972)). Более того, в философский и даже газетный язык был введен ряд таких важных понятий, как деконструкция, письмо, дифферанс, след и т.д.

1962 год можно считать годом рождения Деррида как независимого философа: он опубликовал свою первую серьезную работу – перевел “Происхождение геометрии” Гуссерля, снабдив перевод своим введением, по сравнению с которым небольшой по объему труд Гуссерля почти потерялся в книге [2, с. 10]. Именно в заочном споре с Гуссерлем на страницах введения к “Происхождению геометрии” были заложены основы всей философской позиции Деррида. Французского мыслителя не интересует “философия” как таковая, его задача заключается скорее в критике философии, “исследовании самой возможности философствования”. Он ставит под вопрос сами основы философии и ее способность функционировать на своих же собственных условиях.

Имя Деррида стало известным и даже знаменитым в мировой философии в 1967 г., когда практически одновременно вышли три его работы “Голос и феномен”, “Письмо и различие” и “О грамматиологии” [1].

В своей работе “Письмо и различие” (1967) Деррида подвергает критике родоначальника французской философской мысли рационалиста Декарта (XVII в.). Декарт пытался найти высшую интеллектуальную истину при помощи рассуждения. Начал он с систематического сомнения, чтобы отбросить ненужное, и в результате оказалось, что ничего нельзя утверждать с точностью. В конце концов, Декарту удалось найти то единственное, в чем он не мог усомниться. Это знаменитое утверждение “Cogito ergo sum” (“Мыслю, следовательно, существую”). Мир может обманывать, как хочет, но усомниться в том, что мыслить, невозможно. Деррида, в свою очередь, с этим не согласился. Он пришел к выводу, что философ эпохи Нового времени был просто не в состоянии “выйти” за рамки языка, которым мыслит, языка со всеми его скрытыми предпосылками и структурой, ограничивающей и искажающей мысль. Сама динамика и способность к развитию языка в значительно большей мере способны завести мысль на ложный путь, нежели ошибки чувственного восприятия. Согласно Деррида, противоречия “...заложены непосредственно в сущности и идее языка, языка в самом широком смысле слова” [3, с. 54]. Например, только грамматика и не что иное заставила Декарта прийти к выводу: “Мыслю, следовательно, существую”.

В другом классическом труде данного периода “О грамматиологии” (1967) Деррида разрабатывает понятия, ставшие впоследствии основополагающими для

его критической мысли. “О грамматологии” сразу же стала наиболее известной из трех опубликованных работ молодого французского философа, которого ранее знали преимущественно как переводчика текстов Гуссерля [4]. В своей ранней работе Деррида сформулировал практически все основные положения своей системы взглядов, составившие впоследствии “обязательный канон” теории постструктурализма: идея децентрации структуры, идея “следа”, критика многозначного понятия “наличие” и концепции “целостного человека”, а также утверждение ницшеанского принципа “свободной игры мысли” и отрицание самой возможности существования какого-либо первоначала, “первопричины”. Именно в книге “О грамматологии” была впервые развернута – и концептуально, и эмпирически – та стратегия деконструкции, которая потом оказалась преобладающей в его творчестве. На страницах этого произведения Деррида жестко трактует Соссюра и Леви-Стросса, показывая неувязки и противоречия их концепций и даже упрекая их (что случается у него крайне редко) в “ненаучности”, вторгаясь тем самым на “чужую” территорию [2, с. 21]. И одновременно с этим он видел в структурализме естественный и необходимый жест – критическое беспокойство культуры по поводу языка. Содержание текста “О грамматологии” Деррида построено на многочисленных крайностях. Есть фразы длиной по две с половиной страницы, а есть – с рваным синтаксисом: фраза “буксует”, не хочет выстраиваться, и ее приходится заново начинать, чтобы как-то продолжить. Любое слово в принципе может приобрести статус понятия и одновременно ритмически повторяющегося лейтмотива. В тексте много цитат и цитатных переключек. Важен в нем и принцип осторожности: он обычен у французских авторов, но в данном случае мощно усилен. Оговорки типа “так называемый” могут относиться к чему угодно – от вполне осязаемых вещей до абстрактных понятий (вроде “так называемый XVIII век”). Это, конечно, связано с подкопом под установившиеся смыслы и под привычные предпосылки этих смыслов. В тексте огромное количество субъективирующих оговорок типа “как нам кажется...” Много слов в кавычках – это значит, что все слова чужие и значат не то, что в словаре, а что именно – неизвестно [5].

Представление о возможности отождествления письменного знака со знаком как таковым становится предметом подробного рассмотрения в работе Деррида “Голос и феномен”. Формальная сущность означаемого, по Деррида, есть присутствие и привилегия его близости к Логосу как звуку, есть привилегия присутствия [2, с. 56].

Каждая последующая работа Деррида – это яростный протест против ясности в языке. Многослойность и загадочность текстов Деррида – это зеркальное отражение сложности его личности. Как у почтовой открытки, у его философии и у него самого две нераздельно сросшиеся, образующие одно целое стороны. Многочисленные неологизмы, метафоры, символы, словоупотребление вне обычного контекста как бы отстраняют французский язык, придают ему лукавую “иностранность”. Он мыслитель-европеец, наследник, реинтерпретатор и оппонент линии Платона, Декарта, Гегеля и Гуссерля. В то же время Деррида был обладателем еврейского духовного наследия, составлявшего глубинный конститутив его творчества [3]. Сам философ обращается к текстам Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля, Руссо, Гегеля, Канта, Ницше, Фрейда, Гуссерля, Хайдеггера, Барта, Леви-Стросса, Фуко, Лиотара, де Мана, Альтюссера, Витгенштейна, Фейерабенда, а также произведениям литературного авангарда – Малларме, Арто, Батая, Жабеса, Понжа, Джойса, Целана, Соллерса и других, посвящая их исследованию многочисленных книг и статьи [4].

В 1972 г. он опять написал три книги. Это были “На полях философии”, “Позиции” (сборник интервью) и “Диссеминация” [6, с. 36]. Последняя работа (“Диссеминация”) ясно демонстрировала, какое направление приняла мысль Деррида в последние годы этого периода. Основной темой “Диссеминации” вновь становится тезис о невозможности для текста обладать единственным закрепленным за ним смыслом. Противостоять напору различия значений, игры слов, ассоциативной многозначности и тому подобным элементам невозможно. Все это приводит к диссеминации значений и разных интерпретаций [2, с. 84]. Предметом особого внимания Деррида становится тот факт, что слово “диссеминация” переключается с древнегреческим “сема” – значение (отсюда произошло современное понятие “семантика”). Как гордо признается сам автор, опережая задачливых критиков, текст этот является “недешифруемым” и “нечитаемым”. Деррида здесь достигает апофеоза “текстуальности” – так он называет бесконечную игру на различиях в значениях, ассоциациях, неразрешимостях и тому подобном до полной потери смысла.

В сборнике своих интервью “Позиции” Деррида разрабатывает концепцию “говорящего сознания”, замкнутого на себе, служащего только себе и занятого исключительно логическими спекуляциями самоосмысления.

Второй период обозначен границами 1974 – началом 1980-х гг. Начиная с “Гласа” (1974) и до “Почтовой открытки” (1980) происходит некоторая переориентация политических и, соответственно, философских если не позиций, то пристрастий французского ученого [7]. С одной стороны, он пытается освоить более широкий тематический материал экзистенциальной направленности, с другой, отходит от политического индифферентизма и начинает придерживаться левых убеждений. Любопытное замечание в связи с этим делает Кристофер Батлер, который подчеркивает, что в поздних работах Деррида (например, в “Почтовой открытке”) появляется значительно более заметная, чем раньше, “озабоченность экзистенциальными темами ответственности за чью-либо жизнь” [8]. Также Деррида густо уснащает свои тексты немецкими, греческими, латинскими, иногда древнееврейскими словами, выражениями и философскими терминами, терминологической лексикой, специфичной для самых разных областей знания. Французский философ обращается к анаграммам, черновикам, конспектам, подписям и шрифту, маргиналиям, сноскам. Недаром его оппоненты обвиняли в том, что он пишет на “патагонском языке” [9]. Достаточно вспомнить Ортегу-и-Гассета, Хейзинга и Хайдеггера с его “игрой” в произвольную этимологию, чтобы сказать, что пристрастие Деррида к “игровому принципу” – отголосок весьма распространенной в XX в. культурологической позиции [10].

Пафос творчества Деррида по своему нигилистическому духу откровенно регрессивен: ученый не столько создает “новое знание”, сколько сеет сомнения в правомочности “старого знания”. Он “аннотатор” и комментатор по своей сути, по самому способу своего философского существования, что иногда вызывает впечатление паразитирования на анализируемом материале. Философ отказывается от интерпретации текста как сугубо лингвистического феномена (“в смысле устной или письменной речи”), распространяет понятие текста и на неязыковые семиотические объекты, на весь мир, рассматриваемый в категориях текста и, таким образом, “текстуализируемый” [11, с. 185]. Неудивительно, что именно в сфере литературоведения влияние Деррида было особенно большим и широко-масштабным, явно не сравнимым с тем положением, которое он вплоть до середины 70-х гг. занимал в философии. Более того, именно интерес, питаемый к

нему со стороны литературных критиков, и превратил его в “фигуру влияния” на западном интеллектуальном горизонте.

Непосредственным образцом “деконструктивной работы” Ж. Деррида служит его критическое истолкование философии Гегеля. Оно изложено в ряде работ (“Похоронный звон”, 1974; “Глас”, 1974; “Почтовая открытка: от Сократа к Фрейдю и далее”, 1980) [1]. Среди вышеперечисленных текстов Деррида наиболее ярким примером применения логики представляется его “Глас” с тремя колонками текста на каждой странице. В первой колонке анализируется философия семьи Гегеля, вторая колонка посвящена комментариям по поводу этой концепции и собственной трактовке философии семьи Жаном Жене, а в третьей колонке Деррида дает свои комментарии к концепциям Гегеля и Жене, комментарии комментариев Жене и свои собственные интерпретации обсуждаемых проблем. Суть этой логики заключается в особом подходе к понятиям и концептам, в необычном способе категориальной трансформации [12, с. 138]. На страницах “Гласа” Деррида открывается в постоянном стремлении уточнить свою мысль всевозможными корректировками, дополнениями прямого и косвенного значения слов, бесчисленными цитатами и тут же следующими разъяснениями, обращением к авторитету словаря до такой степени, что многие страницы его произведений напоминают словарные статьи.

Кристофер Норрис, один из самых благосклонных критиков Деррида, выразился следующим образом о содержании “Гласа”: «“Глас” — это не книга, во всяком случае, не в общепринятом смысле слова. Унифицирующий принцип данного труда заключается в постоянных отсылках на какой-то привилегированный источник авторской интенции». С другой стороны, набор и печать этой не-книги осуществлялись согласно очень определенной интенции привилегированного автора. В тексте использовались целых четыре вида шрифтов (по одному на каждую колонку, один для выделенного текста, еще один для цитат), не говоря уже о частом курсиве, абзацах по-немецки, древнегреческих и латинских словах. По оригинальному макету объем этой не-книги должен был составлять ровно 100 кубических дюймов. Каждая страница представляла собой квадрат в 10x10 дюймов, соответственно, в один дюйм толщиной. Комментарии французских наборщиков, привыкших работать в сантиметрах, наверняка бы привели в восторг самого Жене [1].

Большинство исследователей творчества Деррида полагают, что следующая эпохальная работа философа вышла в 1980 г. Называлась она “Почтовая открытка: от Сократа к Фрейдю и далее” [7]. Текст начинается с эссе о “почтовом принципе”. Почтовый принцип, по мнению Деррида, гораздо важнее фрейдовского “принципа удовольствия”, с его помощью можно объяснить всю историю западноевропейской метафизики “от Сократа к Фрейдю...” Когда мы отправляем открытку или вообще некое послание, мы что-то отдаем, но в то же время воздерживаемся от акта отдавания.

Большое внимание уделяется тому, что слова, обозначающие во французском пишущего (*destinateur* — франц. отправитель) и получателя (*destinataire*), связаны по происхождению со словами “судьба” (*destiny*) и “направление”, “пункт назначения” (*destination*). Ранее, рассуждая на эту же тему, Деррида пришел к такому выводу: “...письмо всегда может не дойти до пункта назначения... структура письма такова, что всегда способна на недоставление”. Большая часть труда посвящена рассмотрению психоанализа [2, с. 52].

В работах третьего периода творчества Деррида (1980-е – начало 2000-х гг.) левизна его взглядов стала просматриваться наиболее отчетливо [4]. Француз-

кий исследователь выступил с резким осуждением консерватизма и высказался о своих симпатиях к “открытому марксизму”. В традициях французской “ангажированной мысли” (Ж. Сартра, М. Фуко) Деррида полагал, что интеллектуал должен активно участвовать в жизни общества и быть политической фигурой. Содержание поздних работ Деррида (“И подписано: Понж” (1988); “Дар смерти” (1992), “Апории” (1992), “Призраки Маркса” (1993); “Местопребывание. Морис Бланшо” (1998) и др.) отделяет философию от логики и естествознания и сближает ее с риторикой, гуманитарным знанием и искусством [1].

“Дар смерти”, как и многие другие книги Деррида, возник из его лекции, прочитанной в декабре 1990 г. на конференции “Этика дара” в Роямонте (Франция). “Дар смерти” (а именно так и переводится английское словосочетание “The Gift of Death”) довольно точно отражает потенции и содержание данного текста Деррида, организованного вокруг проблемы дара. Что касается второй книги, посвященной проблеме смерти, то вопросов с переводом ее заглавия не возникает: и по-французски, и по-английски, и по-русски оно звучит одинаково: “Апории” (“Aporias”). Эта книга появилась в английском переводе в 1993 г., но ее французский оригинал моложе “Дара смерти” на два года. Деррида прочитал лекцию под названием “Апории” на конференции в июле 1992 г. в Сериенля-Салль. Полное название первого французского издания этой книги «Апории / Умирание – ожидание друг друга у “пределов истины” / за “пределами истины»». Как прояснится позже, этот подзаголовок, ведущий свое начало из размышлений Деррида по поводу фрагмента хайдеггеровского “Бытия и времени”, имеет очень важное контекстуальное значение, но в переводах и переизданиях “Апорий” его уже больше нет [2, с. 58].

Поскольку широкую известность книги Деррида приобретают обычно после их перевода на английский язык, то в случае с рассматриваемыми текстами это привело к довольно любопытному эффекту: “Апории”, считавшиеся не очень существенной книгой Деррида и мало комментировавшиеся (в том числе и по причине их неясности, точнее, контекстуальной непроясненности в сравнении с другими, имевшимися в английском переводе текстами Деррида), вдруг стали довольно часто упоминаться в критической литературе. Причина здесь очевидна: “Апории” были явно задуманы как продолжение разработки тематики дара и могут быть поняты (насколько вообще это слово применимо к текстам Деррида) только в контексте других его работ о даре – даре смерти и даре времени (“Апории”, “Презентация времени”).

Главным парадоксом, апорией смерти Деррида называет в этом тексте проблему перехода, то, на чем он фактически остановился в “Даре смерти”. Подзаголовок “Апорий”: “Умирание – ожидание (друг друга) у пределов истины (за пределами истины)” – «Mourir – s’attendre aux “limites de la verite”». Французский текст позволяет двойное толкование предлога “aux”: как “за”, но также и как “у”. Английский перевод делает амбивалентность более определенной в пользу второго толкования за счет предлога “at”. В русском варианте упор сделан на первый смысл (хотя второй тоже обозначен в скобках), поскольку такой, как станет очевидно позднее, представляется смерть в толковании Деррида – расположенной за пределами истины, неподвластной концептуализации и потому фактически несуществующей в культуре логоцентризма. В возможностях различной интерпретации и перевода этого подзаголовка высвечивается смысл (или отсутствие одного) апории как таковой – невозможность однозначного решения.

Как замечает Деррида в “Апориях”, его дискурс разворачивается как предполагаемая, хотя, конечно, никогда не реализовавшаяся в действительности полемика между Фрейдом, Хайдеггером и Левинасом. Направление этой полемики Деррида фиксирует на 121 странице “Апорий”, где пишет о “...треугольном дебате, который мы приписали Фрейду, Хайдеггеру и Левинасу по отношению к смерти как таковой, к своей собственной смерти и смерти другого”. В “Даре смерти” к этой геометрической фигуре диспута прибавляется еще несколько углов, образованных концепциями Платона, христианской экзегетики Канта, Гегеля, Кьеркегора, Ницше и Паточки. Образовавшийся многоугольник охватывает, или призван охватить, проблему смерти, причем топография углов (это выражение Деррида) постоянно расширяется. Этот охват, как можно предположить, не есть простое суммирование всего того, что было сказано данными мыслителями по поводу смерти, а специфически-деконструктивистское мероприятие приведения их в состояние дискуссии друг с другом, дискуссии, в которой говорят их тексты. Формы этой дискуссии не имеют ничего общего ни с традиционной философской критикой, ни с эклектичным соединением фрагментов различных концепций.

Итак, философская дискуссия о смерти. Первый вопрос, который может возникнуть здесь, есть вопрос о том, почему вообще Деррида обращается к проблеме смерти и почему его обращение так часто и настойчиво. Что характерно, Деррида сам отвечает на этот вопрос, когда рассуждает в “Даре смерти” о том, что смерть есть единственная ситуация человеческого существования (или несуществования), в которой человек оказывается один на один с самим собой, когда, следовательно, его субъективность и индивидуальность проявляются (или должны проявиться) в наибольшей степени. Смерть, по Деррида, есть единственная ситуация человеческого существования, в которой данный конкретный индивид оказывается незаменимым, когда он полностью идентифицируется с самим собой в том смысле, что он не может передать свою смерть кому-то другому [13].

Проблема смерти остается нерешаемой, и, пожалуй, ничто, кроме деконструкции, не демонстрирует это с такой очевидностью, выводя ее за пределы рационализации. Вспомним еще раз: “Умирание – ожидание друг друга у пределов истины/за пределами истины”.

В работе “Призраки Маркса” (1993) Деррида занялся придуманной им наукой “хантологией”. Предмет этой науки – призраки, привидения и духи, населяющие пространство между бинарными оппозициями бытия и небытия, живого и мертвого. Не обошлось и без любимой игры слов. Слово “хантология” (hantologie) во французском совпадает по звучанию со словом “онтология” (ontologie) из-за непроизносимого “h” в начале [14, с. 375].

Общая композиция текста представляет собой анализ текстов Маркса через призму их культурной реализации с несколькими дополнительными направлениями, идущими к марксизму от Шекспира (“Гамлет”), Поля Валери (“Кризис разума”), Фрэнсиса Фукуямы (“Конец истории и последний человек”), а также Мориса Бланшо (“Три голоса Маркса”). Сквозной темой “Призраков...”, как свидетельствует само название, является обращение к посмертным судьбам Маркса и созданного им учения и в связи с Марксом – к проблемам посмертного бытования вообще, к теме жизни и смерти, к тому, что сопровождает смерть в представлениях живущих – к призракам, фантомам и духам.

“Призраки Маркса”, рассматриваемые через призму увлечения марксизмом Деррида, вызвали весьма внушительный резонанс в кругах левых интеллектуалов Запада, в особенности в США. Ситуация, в которой появилась эта книга, –

время кризиса марксизма в связи с распадом государственных систем, избравших его своей идеологией, толкуется как аналогия временам, предшествующим появлению Первого Интернационала, когда все силы старой Европы объединились, по замечанию Маркса в “Манифесте”, в попытке противостоять марксизму (соблазн к такому толкованию, кстати сказать, подает сам Деррида, когда говорит о необходимости создания некоторой новой общности интеллектуалов, которую он называет в “Призраках Маркса” Новым Интернационалом) [2, с. 108].

“Коммунистический манифест” Маркса начинается словами: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма”. По мнению Деррида, коммунизм не является ни живым (как когда-то верили), ни мертвым (как считают сейчас). Вместо этого противопоставления есть неразрешимость, то есть призрак. Французский философ усматривает в этом поразительное сходство “Манифеста” с “Гамлетом”, посвященном принцу распадающегося королевства, где речь также идет главным образом о призраках и видениях. Эта гайстология или спектрология, по Деррида, есть непосредственное отражение драматургии Европы, установившейся здесь как культурный регулятив, начиная с Нового времени. Это драматургия великих объединяющих проектов разума, театральные постановки на сцене жизни. Недаром Маркс, по замечанию Деррида, так любил Шекспира и черпал вдохновение в его безудержной театрализации. В конце концов, философ-семиотик приходит к мысли, что деконструктивизм – это на самом деле более радикальная форма марксизма [15, с. 256].

Необходимо отметить, что периодизация творчества французского философа требует большой осторожности. Эволюция взглядов Деррида несомненна, но сама природа его творчества такова, что при всех явных или предполагаемых ее изменениях речь может идти лишь о смещении или переносе акцентов. Как уже отмечалось, даже в самой первой его работе можно найти в зародыше все то, что в дальнейшем получало ту или иную окраску, акцентировку и развитие.

Фактически в каждой работе Деррида можно вычитать совершенно противоположные вещи, чем, собственно, и занимаются его многочисленные интерпретаторы. Поскольку вопрос об оригинальности мысли постструктуралистами не ставится, то их, собственно, творчество до такой степени состоит из цитат, прямых и косвенных, аллюзий, сносок и отсылок, что часто голос комментатора трудно отличить от голоса комментируемого. Особенно это относится к повествовательной манере Деррида, который сознательно пользуется этим приемом для демонстрации принципа “бесконечной интертекстуальности” [16, с. 26].

Основной признак, общий и для манеры письма Деррида, и для стиля подавляющего большинства французских постструктуралистов (М. Бланшо, Ж. Делез, М. Фуко и др.) – несомненная “поэтичность мышления” [1]. Это довольно давняя и прочная традиция французской культуры слова, получившая новые импульсы с выходом на сцену постструктурализма и переосмысленная затем как основополагающая черта постмодернистского теоретизирования. Во всяком случае, она четко укладывается в русло той “французской неоницшеанской (хайдеггеровской) стилистической традиции Деррида. И если раньше было общим местом говорить о “германском сумрачном гении”, то теперь, учитывая пристрастие французских постструктуралистов к неистовой метафоричности “языкового иконоборчества”, с таким же успехом можно охарактеризовать их работы, перефразируя Лукреция, как *francogallorum obscura reperta* [10]. Практически вся деятельность Деррида представляет собой огромный и непрерывный комментарий, и “вторичность” его духовной позиции заключается в том,

что вне сферы чужих мыслей его существование просто немислимо. Необходимо отметить, что “интертекстуальность, в которую погружают себя постструктуралисты, мыслится ими как буквальное существование в других текстах.

Тем, кому Деррида известен преимущественно по “О грамматиологии”, достаточно сложно распознать в нем автора, скажем, “Глас” (более позднего текста, озаглавленного трудно переводимым французским словом, означающим особый род похоронного звона) или “Шпоры: стили Ницше” [2, с. 65]. Вообще проблема “правильного”, “верного” понимания смысла учения Деррида, как и всего постструктурализма и его литературоведческой деконструктивистской практики – вопрос, который является предметом постоянной заботы его приверженцев и в результате – темой многочисленных рассуждений и споров.

Заключение

Проблема периодизации творчества Деррида, столь часто анализируемая в критической литературе, представляется не столь значительной для того, чтобы говорить о полном несовпадении академического Деррида, автора “О Грамматологии”, с анархиствующим Деррида, автором “Шпор...”. Подтверждением тому может служить сама “Грамматология”, где под внешним академизмом и строгостью изложения отчетливо просматриваются основные, в том числе и анархические, идеи деконструкции (равно, впрочем, как и “Шпоры...”, где безудержная, казалось бы, свобода интерпретации поставлена в рамки деконструктивистской стратегии).

При несколько отстраненном взгляде на его творчество, очевидно, можно сказать, что самое главное в нем не столько система его концепций, образующих “идейное ядро” его учения, сколько сама манера изложения, способ его аргументации, представляющей собой чисто интеллектуальную игру в буквальном смысле этого слова. Игру самодовлеющую, направленную на себя и получающую наслаждение от наблюдения за самим процессом своего “саморазвертывания” и претендующую на своеобразный интеллектуальный эстетизм мысли.

Все ранние работы Деррида так или иначе навеяны Гуссерлем. Во введении к “Происхождению геометрии” (1962) и в “Голосе и феномене” (1967), как затем и в “О грамматиологии”, осуществляется деконструкция гуссерлевской теории значения.

В более поздних работах философ усиливает существующую тенденцию к эстетизации философии и экспериментирует с конструкциями, которые могут быть названы скорее литературными, чем философскими. В связи с этим можно говорить о дерридеанстве как о специфической отрасли знания, где немало специалистов нашло свое призвание. Французскому философу-лингвисту меньше всего присуща категоричность, он выступает как искусный, а может быть, и непревзойденный мастер сомнения, гений аллюзий, недомолвок и суггестий. Он постоянно предлагает читателю множество возможностей решения поставленных им проблем, не говоря уже о том, что некоторые его пассажи написаны в духе лирических отступлений.

Одно остается неизменным в творчестве французского философа – его работа, непрерывное исследование и оспаривание границ литературы и философии. Следует еще раз подчеркнуть: Деррида – не просто философ, а именно философ от лингвистики и литературоведения, поскольку именно в этих областях он заимствует методiku своего анализа и ту специфически интердисциплинарную позицию, которая и дала смешение данных сфер в лоне французского постструктурализма.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. **Ильин, И.П.** Жак Деррида – постструктуралист SANS PAREIL / И.П. Ильин [Электронный ресурс]. – 2007 – Режим доступа : <http://culture.niv.ru/doc/culture/ilyin/005.htm>. – Дата доступа : 17. 12. 2009.
2. **Гурко, Е.** Тексты деконструкции Ж. Деррида / Е. Гурко. – Томск : Водолей, 1999. – 160 с.
3. **Деррида, Ж.** Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.
4. **Scott, D.F.** Biography and Bibliography of Jacques Derrida / D.F. Scott [Electronic resource]. – 2000. – Mode of access : <http://www.quodlibet.net/derrida.shtml>. – Date of access : 16.01.2010.
5. **Автономова, Н.** Деррида и грамматология / Н. Автономова [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derr_gr/index.php. – Дата доступа : 17.12.2009.
6. **Маньковская, Н.Б.** “Париж со змеями”. Введение в эстетику постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – М. : АЛЕТЕЙЯ, 1994. – 220 с.
7. Derrida Jacques // From Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. – Mode of access : http://en.wikipedia.org/wiki/Jacques_Derrida. – Date of access : 18.12.2009.
8. **Rawlings, J.** Jacques Derrida / J. Rawlings // Stanford University lectures [Electronic resource]. – 1999. – Mode of access : <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/derrida/index.html>. – Date of access : 30.01.2010.
9. **Norris, C.** How Derrida Reads Derrida / C. Norris // Interviews, 1974 – 1994 [Electronic resource]. – 1995. – Mode of access : <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/derrida/interviews.html#derrida>. – Date of access : 20.01.2010.
10. **McLemee, S.** Defending Derrida / S. McLemee [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.insidehighered.com/views/intellectual_affairs__6. – Date of access : 21.01.2010.
11. **Гилье, Н.** История философии / Н. Гилье, Г.М. Скирбекк. – М. : Владос, 2001. – 800 с.
12. **Яскевич, Я.С.** Философия и методология науки. Вопросы и ответы : полный курс подготовки к кандидатскому экзамену / Я.С. Яскевич. – Минск : Выш. шк., 2007. – 656 с.
13. **Селиванов, Ю.** Деконструктивизм и современная христианская теология / Ю. Селиванов [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.yuriselivanov.narod.ru/articles/deconstruct.html>. – Дата доступа : 23.01.2010.
14. **Борцов, Ю.С.** Культурология: учебное пособие для студентов высш. учебн. завний / Ю.С. Борцов, В.К. Королев. – Ростов н/Д: Феникс, 2001. – 608 с.
15. **Бобахо, В.А.** Культурология : программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов / В.А. Бобахо, С.И. Левикова. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 400 с.
16. **Дубянецкі, Э.С.** Культуралогія / Э.С. Дубянецкі. – Мінск : БелЭн, 2003. – 384 с.